

Дорогие наши читатели! Вашему вниманию – 12-ый выпуск «Уголка поэзии»! Мы стараемся каждую встречу в нашем «Уголке» сделать особенной, непохожей на предыдущие, привести некоторую «изюминку», которая порадует читателей. Последние полгода омрачены Ковид-угрозой, ставшей неотъемлемой составляющей жизни каждого из нас. Наши неудобства и ограничения, вызванные карантином, не идут ни в какое сравнение с тем, каким испытаниям подвергаются врачи (и вспомогательный медперсонал), многие из которых борются с Ковидом на передовой, подвергая себя неизбежному риску во имя спасения жизни больных. Отдавая дань уважения и признательности медикам, мы пригласили в сегодняшнюю подборку известных поэтов из разных стран, пишущих на русском языке и имеющих к тому же непосредственное отношение к врачебной специальности. С удовольствием представляю поэтов-врачей, участников сегодняшнего выпуска «Уголка»: Лада Миллер (Канада), Ирина Юрчук и Эмилия Песочина (Германия), Михаил Яровой (Австралия). Справедливости ради должен сказать, что Михаил не является практикующим врачом (как говорится, есть у него другие интересы!), но согласитесь: наличие медицинского образования – это не просто факт биографии, а определенная система знаний и ценностей, следование гуманистическим принципам врачевания и отношения к людям («не навреди!»), которые остаются с тобой на всю жизнь. После некоторых раздумий к этой «звездной» компании решил примкнуть ведущий «Уголка поэзии» Григорий Оклендский (Новая Зеландия). В своё оправдание скажу, что я имею непосредственное отношение к медицине, много лет работая в компьютерной индустрии (и в России, и в Новой Зеландии) и специализируясь на разработке и поддержке информационных систем здравоохранения. А теперь к стихам! Хорошего чтения!

Ведущий рубрики Григорий Оклендский

Лада Миллер

Писатель. Поэт. Родилась в Новгороде, с 1991 по 2002 жила в Израиле, с 2002 г. живет в Канаде. Врач-ревматолог, замужем, трое детей.

Рассказы, повести и стихи печатались в журналах «Дальний Восток» и «Этажи» (Россия), «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Новый Свет» (Канада), а также в газете «МК» и интернет-журнале «ЛИТТЕРАТУРА», журнале «Южное Сияние» и на литературном портале #Техтура. Книги: «Голос твой» (2015, изд. Beit Nelly, Тель Авив), «В переводе с птичьего» (2018, изд. «Время», Москва), «Мурашки для Флейты» (2019, изд. Blue Ocean Theatre Studio, Майами).

Божьи знаки

Там, где с гор сбегает маки,
Где оливы просят тени,
Кто-то пишет божьи знаки,
Опустившись на колени,

Чьи ладони, словно листья,
Чьи печали, словно плечи,
В алый зной макая кисти,
Разрисовывает вечность,

Чтобы там, где пепелище,
Вырос дом, поспело тесто.
Хочешь, мы с тобой отыщем
Это ласковое место?

Чтобы ты увидел Бога,
Чтобы я шептала: «Милый»,
Чтобы жизнь была нестрогой,
Чтобы смерть была красивой.

Там, где небо тучи застыт,
Где от слез промокло море,
Кто-то пишет слово «Счастье»
И зачеркивает «Горе»

Там, где нежно и подробно,
Дружат люди и собаки -
Пишет кровью божьи знаки
Кто-то правильный и добрый.

У реки

Наводнениям вопреки
Мы поселимся у реки,
Где волна умывает камни.
Дом получится без затей -
Двое взрослых, полно детей
И еще - голубые ставни.

Ни фундамента, ни стекла,
То ли радуга протекла,
То ли небо упало в руки -
Дом качается на ветру,
В каждом облаке – по перу,
В каждой ласточке – по разлуке.

Ты ворчишь – мол, о чем ты, Лю?
Я ж тебя, как свечу, спалю,
Дом непрочен, калитка хлипка.
Отвечаю, смеясь - Идем.
Высоко, над слепым дождем,
Прикоснись – заиграет скрипка.

Наводнениям вопреки
Мы поселимся у реки,
Где цветы раскрывают очи,
Где боярышник ал до слез,
Где на каждый немой вопрос
Отвечают с улыбкой – Очень.

<p>Не сейчас</p> <p>Про боль не сегодня. Про боль не сейчас. Пусть пух тополиный слетает на нас, На то что могло быть иначе, Чем этот растаявший в синей дали Июнь. Чем распластанный в небе Дали И в нем голубиные дачи.</p> <p>Ты знаешь причины, я знаю слова, Иглой золотою прошита листва, Под крышей чудачит удача. Заглянешь за небо - наивный, нагой, И хрустнет звезда под твоею ногой, И хижина наша заплачет.</p> <p>Нахмурится туча, сожмутся виски, Шиповник уронит свои лепестки, В туман завернется прохожий. Всего-то грозы на две тысячи ватт, Но вспыхнет на кухне недолгий закат, Затопают счастье в прихожей.</p> <p>И снова объятья сильнее кольца - Как будто бы жизнь не имеет конца.</p> <p>Июнь без пяти</p> <p>Окно приоткроешь – июнь без пяти, Кудрявая челка сирени. Жуки натирают до блеска хитин, Сверчки разминают колени.</p> <p>От солнечных пятен до розовых пят Июнь оголтел и понятен - Слова колосятся, дожди гомонят, Настойчиво тикает дятел.</p> <p>Прижмешься покрепче, замрешь у плеча, Услышишь сквозь ропот неблизкий, Как терпкие ягоды глухо стучат О дно облупившейся миски,</p> <p>Покажется - жизнь промелькнула и нет Ее беспощадней и слаще. Нахлынет листва, заколышется свет, И голуби небо растащат.</p> <p>Слова обнажат тополиную суть, Теперь - обожать, до утра не уснуть, А если и правда - июнь без пяти, Пусть время забудет, что надо идти.</p>	<p>Так хочется неба</p> <p>Так хочется неба с оттенком дождя, Веселого паводка, терпкого мая, Что дом из гудящей трубы вылетает, Намокшие крылья, как ставни сведя.</p> <p>И хлопают двери, и вазы дрожат, Зажав непокорные стебли в объятья, Танцуют в шкафах полуголые платя, И галстуки, вытянув шеи, летят.</p> <p>А мы, вдруг поддавшись на этот соблазн, Друг с друга не сводим восторженных глаз, И космос мигает, и бездна манит, И тело на тело наводит магнит,</p> <p>Чтоб спело в душе бесшабашное «пусть» Чтоб счастье схватило за выпуклость грусть, Чтоб в небе январском вскипела сирень, Чтоб тенью своею почувствовать тень</p> <p>Того, кто стоит у открытых ворот. Того, кто вот-вот...</p> <p>Снежинка вспыхнет у виска</p> <p>Снежинка вспыхнет у виска. Мемориальная тоска Так приобнимет, что не скрыться. Настигнет, птицами звеня, Но разве птицы без меня Поют? И разве это птицы?</p> <p>Как неспокоен сердца бой. Все говорят, что нам с тобой И горя нет, и мира мало. Но хрупок сад и тонок звук Страсть возникает из разлук - Дотронься. Вспыхнула. Пропала.</p> <p>Пускай. А все что было врозь Повесь за ниточку на гвоздь, Теперь мы сами будем птицы - Так пахнет волей и весной, Что Бог качает головой И небу в ласточках не спится.</p>
<p>Хочешь придумаем</p> <p>Хочешь придумаем дом у дороги, Чтобы проснулся - и рад. Дождь опираясь на тонкие ноги Выйдет в заплаканный сад.</p> <p>Вскрикнет во сне потревоженный ослик, Медно откликнется таз. Хочешь придумаем раньше и после, Чтоб не кончалось сейчас?</p>	<p>Капля за каплей - не дождь, а варенье - Слива, инжир, алыча. Счастье садится к тебе на колени, Солнце сползает с плеча.</p> <p>Сколько их нужно - тревожных и нежных - Капель, созвучий, цветов? Это - стихи. Так снимай же одежды С разоблачающих слов.</p>

Ирина Юрчук

Родом из Харькова, с 2001 года живёт и работает врачом в Германии, пишет на русском и украинском языках для взрослых и детей. Член Харьковского клуба песенной поэзии имени Юрия Визбора. Лауреат Всеукраинского литературного конкурса "Рукомысло", международного поэтического конкурса "ИнтеРеальность". Автор трёх сборников стихов и многочисленных песен. Публиковалась в альманахах "Время Визбора", "45-я параллель", "Свой вариант", "Новый ковчег", "Формаслов", "Новый день", международных сборниках "Артелен", журналах "Европейская словесность", "Эмигрантская лира" и других.

Врач-время

Сна маска. Кратковременный наркоз.
Морзянка пульса - больно, больно, больно.
Шторм разбивает трепетные волны
О недвижимый каменный утес...
В который раз далёкие слова
Медлительные мельницы вращают,
Влекут и неизбежно возвращают
На лопасти свои и жернова.
С меня довольно. Я – уже мука.
Я – некая бесформенная масса.
Комочек перемолотого мяса,
Хотя живу и чувствую пока.
Взгляд стекленеет, обеззвучен рот,
Душа лебяжьи крылья примеряет,
А память ночи заново швыряет
В немилосердный свой круговорот...
Достичь бы той спасительной страны,
Где всей палитры – синька да белила,
Где, облачась в крахмальные бахилы,
Покой скользит бесшумно вдоль стены.
Витки сознания замкнуты кольцом,
Усталый мозг забвеньем проспиртован,
А потолок бездонный коронован
Неоновым, слепящим взор венцом...
Начнет кроить, сопоставлять и шить
И шелком слов, и кетгутом надежды
Врач-время то, что мною было прежде
И то, чем стать отныне предстоит.
Опустится устало на порог,
Забыв смахнуть со лба дождинки пота,
Произнесет, любуясь на работу:
«Ты будешь жить. Я сделал все, что мог».

Оперение

Мгла столичных столиц... Это небо не лётно! —
Прокричала мне чайка, отчаясь латать облака.
Солнце бьётся с утра жалкой рыбкой об лёд, но
Бесполезно, напрасно — замёрзла река.

Подниматься — твердила мне чайка — нелепо!
Черепки синевы ни за что не сложить по кускам.
И изжило себя уж давно приземлённое небо,
Связан свет пеленой по рукам и ногам..

Рокот времени, гул самолётных моторов,
Перекрёстные выхлопы спутаны, словно силки,
Жмётся облако около крыш, не минуя заторов,
Утыкается носом в сухие пески.

Гул столичных столиц. Это небо не лётно!
Прокричала мне чайка, не в силах набрать высоту.
Облагаемы тучи дождём в безвоздушности плотной,
Оперенье теряют ветра на лету.
Дверь, стена и окна аккуратная прорубь.
Свет дрожит и вмерзает остывшим лучом в синеву.
Время заспано. За спину валяются вёсны, как в прорву.
Настоящего не удержать на плаву.

Только силы впустую терять не хочу я.
В вышине так прохладно лицу и просторно плечу.
А нелётное небо живыми крыльями врачуют.
Я лечу, занемогшая птица. Лечу!..

Обитель боли

Я бродила по белой обители боли,
По больничным покоям или просто по зимней земле.
Все по корчам и коликам, будто по колыбам,
Постигая нелепость законов, по коим
Белый свет извалялся во зле, как в золе.
Споро и вдохновенно готовила зелье из капель,
Порошков и таблеток. А после, дорвавшись до книг,
В них искала спасенья – наивный искатель!
Никого не спасти. Этот мир из трагедий одних.
Чистота и порядок. Планерки. Обходы по средам.
Неприёмный покой. И среди зябкой немой белизны,
Продираясь сквозь дебри дремучего бреда,
Отрешенно читала стихи безнадежно больным.
Здесь сердечный надрыв мудрено называют инфарктом,
А душевный надлом окрестили научно – невроз.
Только смерть ставит всех перед свершившимся фактом,
Жертвы жатвы своей беспристрастно считая вразброс.
Разуверясь вконец и в поэзии, и в медицине,
И не зная уже, что из них мне хулить, а что читать,
Я кляла свой удел, как взбесившийся циник,
Не умею лечить, ничего не умею лечить!

Как мне сладить с собой, устоять, успокоиться чем мне?
Как пробиться сквозь строй бесконечных болезненных лиц?
Но опять свой обход совершаю вечерний
И лечу, как могу, то перо доставая, то шприц.
Бесполезный поэт или несостоявшийся лекарь,
День и ночь я о малости Господа Бога прошу:
Чтоб пройти этот путь, никого не оставив калекой,
Не сойти, не сломаться ни воле, ни карандашу.
Мои руки в молитве к высокому небу воздеты,
А оттуда глядят укоризненно лики икон,
Словно смотрят на мир гореглазые дети
Из больничных окон...

<p>Мантры</p> <p>Ещё накатывают волны Как нежности невольной знак, Чтоб схлынуть в синь, а каково мне, Тебе ли, мудрому, не знать?..</p> <p>Тебе ль, искусному, не ведать, Чем пишутся порой стихи, Как буквы празднуют победу, Впадая в месиво строки?..</p> <p>Раскрасишь мантры, сложишь мУдры, Нырнёшь в ругину, дребедень И понесёшь к закату утро И обесточенный свой день...</p> <p>Под вечер лунный блин на блюде Небес и блики на воде, А после — ночь выходит в люди, Сближая любящих людей.</p> <p>А нас растаскивает полночь, По разным развода углам. Нескорая сигналил помощь: Пустяк. Сердечные дела.</p> <p>Как пели вместе, как умели На голос звёзды нанизать, Не помнить, прежний мой, тебе ли? Тебе ли, нежный мой, не знать?..</p> <p>А строки зреют в божьей руке, Летят с небес в просвет сквозной... Какой ценой слова даются, О Господи, какой ценой...</p>	<p>Соло пустой бутылки</p> <p>Он лежит один в маминой квартире, беспробудно жив, разучившись жить. В знобком забытье, в обмелевшем мире ходят по стене белки и ежи. Он не ел дней шесть. Водка калорийна. В голове туман с примесью беды. В морозилке есть пачка маргарина, Из запасов — соль, две сковороды, ноль яиц. В углу муть пустых бутылок. Впрочем, если сдать... Только вот не встать. Давеча ежи заходили с тылу, а теперь — гляди — повернули вспять... Маму схоронил. Сорок дней отметил. А Наташка жжёт с Санькой на югах. Стало быть теперь он один на свете и зачем тогда этот кавардак... А снаружи день. Сыплет дождик мелкий. Шаг. Не всё ль равно — в дверь или в окно. Не воюют там ни ежи, ни белки и не продают водку и вино. Вверх и вниз снуёт лифт многоэтажки. Время отпусков. У соседей тишь. Да и ключ второй только у Наташки, но её теперь разве возвратишь... До окна дополз. Тикает будильник. Прямо к маме бы выйти из пике... Но задрезжал старый холодильник, будто кто-то ключ повернул в замке...</p>
<p>Койко-день</p> <p>Утро. Поднимаешься и идёшь. Под горячий душ. Под холодный дождь. Тормоз. Светофор. Через тень плетень. Свет на бюллетень. Новый койко-день. Приложи к сердечку компресс со льдом И вступай торжественно в свой дурдом. Вот улыбка, клей... Это для лица. На тебе твой крест. Это до конца. Череда болящих, кому невмочь Скоротать бессонную койко-ночь. Запрягайся. Тянется следом воз Неотложных дел и обуз обоз. Пропускает время людей сквозь строй. Вот тебе руины. Возьми, отстрой. Вот душа-левша. Вот слова – бинтуй. Слушай, сопричаствуй, бытуй, бедуй... Вот тебе обломки – слагай, итожь: Крупных и рогатых надежд падёж, В мёртвый угол загнанные мечты, Беды, бреды, ставки, ходы, висты,</p>	<p>Свод блажных идей, сход смешных людей, Выход за предел – Бог не доглядел... День на пике суетном. Дождь в пике. Действуй: солнце в сердце, земля в руке. Этому – подняться, тому – прилечь. Ближнего люби. Богу не перечь. Этому таблетка. Тому укол. Этот задержался, а тот – ушёл. Мир инакомыслящих. Тьма и свет... Кто из нас нормальный, решить, кто – нет... Полоумных ходиков нервный тик. Пролетевших годиков конфетти. Вроде отлегло. Не разбереди. Проходной диагноз – зима в груди. Вот тебе бальзам – чашка кофейку. Карандаш к листку. Душу за строку... ...Закрываешь лавочку и идёшь В хвойный непокой, в лиственную дрожь, В законный мир, где поют дрозды, А дожди всегда подадут воды...</p>

Михаил Яровой

Родился в Москве, образование высшее медицинское. С 1998 года живет в Мельбурне. Основные интересы: поэзия, авторская песня, туризм, коневодство и конный спорт. Работает гидом по всей территории Австралии, увлеченно изучая культуру австралийских аборигенов. Также занимается разведением спортивных лошадей и участвует в соревнованиях по конкуру. Хорошо известен русскоязычной австралийской аудитории как один из организаторов движения авторской песни и популяризатор творчества Владимира Высоцкого. Основатель, идейный вдохновитель и директор музыкально-культурного фестиваля «Динго-Динго». Пишет стихи и песни. Автор публикаций в ряде литературных сборников и поэтических альманахов ("Уроки русского", "Встречи", "Под небом Австралии", "Со мною вот что происходит", "Витражи" и др.). Как автор-исполнитель неоднократно выступал с концертами в России и Австралии. Лауреат и дипломант различных литературных и бардовских конкурсов, в числе которых – Грушинский международный интернет-конкурс 2014 и 2018 гг.

Поговори, пожалуйста, со мною
Не языком Секретаря Вселенной,
Не голосом Земного Адвоката,
Но голосом дождя и мокрой птицы.

Перекрой мои шальные крылья,
Перегяни пространство между нами
Так, чтобы места в нем осталось ровно
Для двух ударов сдвоенного сердца.

Когда меня ничто уже не держит,
И выдержать ничто меня не может,
Одно твое лишь слово остается.
Всего одно. Скажи его, родная.

Ворожее

Меня? Приворожить?
Да полно, крошка!
Хозяйка в доме, кошка у окошка,
Горшочки-вазочки, салфеточки на полке?
Да разорвут меня мои же волки!
Приворожить!
Ты, видимо, не в курсе,
Кто был учителем моим в шаманской бурсе;
Я сам приворожу кого угодно!
Вчера – ты помнишь – ты была свободна,
Летала-плавала, парней водила за нос,
Что от вчерашней от тебя осталось?
Твой мир уже сжимается до точки,
До шва кривого на моей сорочке -
Где левое плечо, где ты щекою
Прижавшись, мягко пугалась рукою
В моих кудрях...
Приворожить!
Бедняжка,
Тебе теперь, пожалуй, будет тяжело.
А мне – я что, я у себя, я в море,
Здесь все по мне – ни берега, ни горя...

Вот только шепот твой в ушах никак не гложет
Да левое плечо болит да сохнет.

SURFING

Он глядит на меня чудовищем,
Родственником тараканища,
И — по Корнею Иванычу —
Солнце на ужин глотает.
Океан, океан, океанище.
Чего тебе не хватает?
Что ты такой взъерошенный,
Прям хоть пиши завещание?
Я ведь не набиваюсь
В гости или приятели.
Очень оно мне надо -
Мокро в тебе и холодно.

И все же надо, надо —
Будто сбежав из плена,
Пузом к доске прижавшись,
От берега оттолкнуться,
От твердого оторваться
И через груды пены,
Дыры в душе замазывая
Бликами изумрудными,
Словно зелёнкой ссадины,
Каждым гребком ладони
Весело отсекая
Лишнее и пустое,

Нагло с тобой обняться
И по плечу похлопать.
И получить с размаху
Краем хрустальным гребня!
Ну что ж, дорогой мой монстр,
Видать, не такой ты злобный —
Вроде бы и угрюмый,
А лезешь вон целоваться.
Гляди, ты уже спокойнее
Дышишь, меня покачивая.
Может, и в самом деле
Радуешься, что проведаль?

Может, недоставало тебе
Глупой моей влюблённости?
Веры моей чудаческой,
Что не сожрёшь, наивного,
Выплонешь на песочек-то.
Помнишь, как в детстве выплонул —
Мамке вернул ребёночка
С просоленными глазёнками,
В коих застрял пожизненно
Блик изумрудно-радужный?
А ничего прекраснее
В жизни с тех пор и не видел я.

Чайка

Чайку разбудит рассвет, и в маджентовой дымке
Чайка взлетит, чтобы крыльями выкроить образ,
Образ подхватит волна и озвучит идею,
Звук обернётся скалою в проснувшемся море,
Солнце, взглянув на картину, не сдержит улыбки:
Нет ничего совершеннее в утреннем мире
Этой скалы, этих звуков и запахов моря -
Пена, взлетая, коснётся карминовых крыльев...

Волны могли бы жить вечно, когда бы не скалы,
Скалы могли бы жить вечно, когда бы не волны,
Соль одиночества - в вечном стремленьи друг к другу,
В красках рассвета и свисте распахнутых крыльев.

Игра

Мы играем в шахматы. Продумываем ходы.
Осторожно берем фигуры, взмах, отрыв и... назад, на плац.
Что их ждёт в новой клетке – награда ли за труды,
упоение битвы, плен или неотвратимый – бац! –

и обидно обыденный, запланированный уход?
Что ж, такая игра... А какая игра без тактики?
Офицер, он дисциплинированный: приказано – делай ход,
а не жертвуя, не победишь: основное правило практики.

Только шахматы – те же люди, ты приглядишься
и увидишь — они терпеливо и кротко следят за тобой
и, может быть, даже молятся: только не отвернись!
А с чего ты решил, что им нужен их вечный бой?

А ну как белая королева полюбит черного короля?
Он и впрямь прекрасен – ладно скроен, блестящ, высок!
Но пусть и ум у нее, и власть, и одна под ними земля,
а поступит с ним, как захочет – не она, а ее игрок!

И что ей с победой делать, когда спать улеглись полки?
Черный, белый ли – всех в коробку, потешились и забыли.
Вырвать сердце себе? Так ведь столяр и одной-то не дал руки...

Ну, а мы-то для них, мы кто? Божьи ангелы или...

Вероника, не снись

И не думала звать любимым –
Села рядышком, как сестра.
Да в потемках совпала с дымом
Расшалившегося костра.
А очнувшись в саду запретном,
По привычке рванув назад,
Вдруг случайно совпала с ветром,
Оживляющим этот сад.

Смущена незавидной ролью,
В кровь изрезана сетью клятв,
С неизбежной совпала болью
Ожидаемых горьких жатв.
Дальше горше да интересней
И не странно уже, когда
То с щемящей совпала песней,
То на сердце легла звезда.

Сердцу много ли надо? Много!
Чтобы светом звезды ее
Озарялась его дорога,
Охранялось его жильё.
А когда его путь прекрасный
У черты роковой замрет,
Чтобы сердце её погасло
Часом раньше, чем он уйдет.

Ах, успеть бы ей в горней башне
Хоть какой-то создать уют,
Чтоб не так ему было страшно,
Чтоб увидел – его здесь ждут.
Чтобы в новой природе зыбкой,
Через все пронизавший свет
Благодарной своей улыбкой
Он согрел бы ее в ответ.

Фото Сергея Буданова

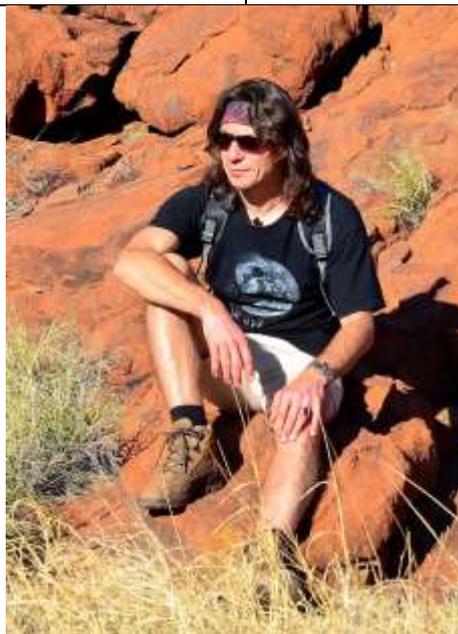

Фото Зои Лебедевой

Эмилия Песочина

Родилась в Харькове в семье преподавателей английского языка. Доктор медицины. В 2001 г. эмигрировала в Германию. Член Врачебной палаты Нижней Саксонии.

Изданы сборники стихов и прозы: «Ковчег и качели», «Чужой город», «Волкополье», «Разговор со звездой». Публикации в международных изданиях: «Эмигрантская лира», «Этажи», «45-я параллель», «Графит», «Время Визбора», «Артелен», «Звезда Рождества» и др., на сайтах «Фабрика литературы», «Мегалит», «Рифма.ру», «Имба-читальня», «Свой вариант» и др. Лауреат, дипломант и финалист международных литературных конкурсов «Эмигрантская лира», «Русский Гофман», «ПТИЦА», «Пятая стихия», «Созвездие духа», «Звезда Рождества», конкурса к 60-летию журнала «Москва», «Человек, судьба, эпоха», «Грани мастерства», и проч. Член Харьковского Клуба песенной поэзии им. Ю. Визбора. На стихи Эмилии написано более двухсот песен, создано множество видеоклипов.

Бытьё-шитьё

Залатай золотой пеленой луннотканых стихов
Эту ветхую жизнь... Что поделать — такая планида...
Где другую возьмешь, из эбена ли, из эбонита,
Чтоб на ней ни надрывов, ни шрамов от крепких оков...
Да и в дереве черном немеет певучая речь,
Но лелеет молву многострунная белая ива!..

Вот стихов бы из шёлковых маков нашить на заре,
Но материей нынче матёрая служит крапива.
От стрекательной злости ожоги терпеть не впервой,
И пожары обид достигают гигантского роста...
Залита ненаглядная строчка дымящейся тьмой,
И сияет, и меркнет вотще красота под коростой.

Перешей наизнанку душой эту блёклость житья —
Сколько тёплого солнца на алой подкладке лучится!
И жемчужина слова созрела, пока что ничья,
И тревожно трепещет жар-птица под левой ключицей.

Заплетай тёмно-русые пряди пшеничных краёв
В длинноносые волны почти перейдённого поля...
А за ним от житья остаётся одно лишь жнивье,
И рифмуется с волей от боли свободная доля...

Залетай за лета и печали, за сорванный свет,
За развёрнутый свиток полднейной небесной берёсты...
Видишь ломкие крылья лучей над вечерним погостом? —
Это ангел летит, рассыпая росу на траве...

Запахи детства

Запах лука и нафталина,
Пригоревшего маргарина,
Мыла, дыма и керосина,
Мокрой шубки, дохи овчинной,
Старых валенок, новой книжки,
Кильки, кваса, борща, коврижки,
Снега, угля, белья с мороза,
Кур в сарае, золы, навоза,
Сена с волглого сеновала,
Закипевшего самовара,
Абрикосового варенья,
Желто-розового печенья,
Пирогов на подносе жарком,
Мамы в бусиках, платье ярком,
Папы с шиком одеколونا,
Принесённой сосны зелёной,
Торта с кремом и мандаринов,
Свечки с каплями стеарина,
Плюша на сундуке старинном,
Теплой бабушкиной перины,
Дров в печи золотого действия —
Вот и всё, что хранило детство...

Блюз в потемках

Белые столики сносят на чёрный чердак.
Жёлтые листья летят на лиловые лавки.
В небе, на площади, в сквере, в душе кавардак.
Носится ветер по улицам, словно бездомная шавка.
Мокрые ноты и медные метки монет...
Падает лист и лежит, как потерянный шиллинг.
В темном кафе распинаются скрипка, кларнет...
Зрителей нету — играй ли, кричи ли, шурши ли...

Город, накрытый стаканом сплошного дождя,
Враз захлебнулся, как мушка, локальным потопом.
Колокола монотонно и мерно гудят.
Спущен с небес безусловный запрет на синкопы.
Там облака так сомкнулись, что стало темно.
Дайте свечу и не бойтесь расхристанной тени!
Просто постоит, послушайте, будьте со мной!
Грошик подайте, копейку, сантим или пенни!

Раннею осенью небо стоит высоко,
И до него добираясь, так просто сорваться.
Красных осинового дня зарево частокол
И откровенное золото клёнов гривастых -
Всё на ветру, на виду, на кону, на юру...
Сердце всё маяется, мечется, в стены колотит...
Музыку ждут от надломленных тенями рук!
Вечер уже на исходе, почти на излёте...

Эти дожди, чердаки, дерева, купола,
Вся круговерть, карусели, колёса обзора,
Бронза, чугун и железо на колокола —
Переплавляются в жёлтое соло минора.
Жизнь объясняет на звуках кларнет скрипачу
И выливает в дожди запрещенную ритмику блюза.
Осень вливается в открытые музыкой шлюзы...
Свет музыканту!
Свечу!

Сплин-Вальс

Сплин - это форма осеннего сна...
Острый плакучий клин
Вбит в небеса почти до дна.
Спим-сплим-сплин...
Могут ли дни против часовой,
Словно обратный спин?
Сену не стать опять травой...
Сплим-спим-сплин...

Вылет строки из-под руки
Вряд ли предотвратим.
На всякую птицу есть силки.
Спим-сплин-сплим...
Янтарь обречён, летит в циан,
Сорванный ветром с лип.
Рубин осин закату сдан.
Сплин-скрин-скрип.

Горизонтальны крены крон.
В моду вошёл экстрим.
Пуля слова легла в патрон.
Сплин-сплим-плим...
Желтые мысли вращаю сон.
It is an autumn dream.
Катится красное колесо.
Сплин-сплим-спим...

Разговор за жизнь

Какое нужно мужество, чтоб жить!
Как я живу, такая вот трусиха!
То увернусь от цепкой лапы лиха,
То выплыву из моря мерзкой лжи...
А я и плавать толком не умею,
Барахтаюсь, борюсь почти взахлёб.
То выпростаю из печалей шею,
То от беды рукой прикрою лоб.

Так и живу меж недопопаданий
И пересвистов выпущенных стрел.
На мне давно порвался и истлел
До праха балахон надежды давней.
А новую когда ещё сошьют!..

Всё пробую с судьбой сыграть вничью:
Воздушный шарик супротив титана.
Всё трепыхаюсь, масло из сметаны
Сбивать пытаюсь, чтоб не утонуть.
И всё равно почти иду ко дну.

Но звёздный лучик вдруг кольнёт в ладошку
И вытащит наверх... Вдохну немножко,
Потом ещё — и вот он, белый свет!
И Ангел Божий пёрышко мне сбросит
С надёжного крыла, и будет осень,
И солнце с неба упадёт в листву...
И надо как-то дальше жить.
Живу.

Послесловие

Громыхало, потом передумало...
Поначалу отчаянно дуло, но
Постепенно утихло и это...
Август пах свежескошенной сыростью,
Вырезая листву из папируса,
В свитки медленно скручивал лето.

Рисовал колонковую кисточкой
Птиц и, глядя сквозь сизой тоски очки,
Превращал изумруды в шпинэли.
Большеглазые алые далии
Оправлял в акварельные дали и
Делал небо как можно синее.

Разномастные смуглые помыслы,
Словно псы неразгаданной помеси,
Пробегали рысцей мускулистой,
И, гонимое солнечным голодом,
Первобытное ярое пльмя
Племя лип добывало из листьев.

... Снова жажнуло! Всё ж таки хлынуло!
Со взбешённого неба полынного
Дождь бежал, укрываясь от молний...
Август шёл к своему окончанию,
Вычисляя константы молчания
По законам осенних гармоний.

Добыча

Возвращаться с добычей со стихотворных полей,
Уловить на лету белокрылую тёплую рифму,
Чтоб её заточить навсегда в чернобуквенной мгле,
Заключая в размер и строфу, как в тюремную призму.

Посадить на строку, как на цепь...
Как на привязь — щенка...
Словно птицу щегла — в крепко сбитую клетку катрена...
Так и жить ей отныне — без солнышка и ветерка...
Как царевне — в хрустальном гробу безысходного плена...

Приколоть на булавку, пронзить остриём концевым —
Пусть трепещет, как бабочка, бьётся, стремится сорваться!
А досель полонянка жила только небом одним...
Нынче можно зато раритетною штучкою хвастать!

Отпустите её на свободу, на вольную жизнь!
А иначе умрёт, словно дикий зверёк в зоопарке...
Что-то белое ночь напролёт надо мною кружит...
Может, пёрышки рифм...
Может, пишущих душ аватарки...

Григорий Оклендский

Родом из Белоруссии. Школьные годы – в Гомеле, студенческие - в Ижевске, лучшие – в Новосибирском Академгородке. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований и разработкой компьютерных систем здравоохранения. Кандидат технических наук. 25 лет живет и работает в Окленде, продолжая профессиональную карьеру в области информационных технологий.

Стихи пишет с юности. Второе дыхание открылось в Новой Зеландии. Автор 3-х поэтических книг – «Время собирать...» (Ижевск, 2010), «Время стихов» (Москва, 2014) и «Что дорого...» (Москва, 2020), многочисленных публикаций в бумажных и сетевых изданиях, таких как «Гостиная» и «Связь времен» (США), «Эмигрантская Лира» (Бельгия), «7 Искусств» и «Мастерская» (Германия), «Витражи» (Австралия), «Поэтоград» и «Новая Реальность» (Россия), «Артелен» (Украина), «Метаморфозы» (Беларусь), и др.

Финалист нескольких международных поэтических фестивалей, лауреат литературных конкурсов.

Член Российского Союза писателей XXI века.

Ода врачам

Среди друзей - врачей немало, от молодых до очень старых... и с ними как-то мне спокойней - не собираюсь на покой я... не собираюсь и лечиться, и, слава богу, весь здоров... но за советом обратиться, как пионер, всегда готов! Я сам горазд давать советы (мы в медицине знаем толк!) - здоровый образ... бег трусцой... некалорийная диета... и авокадо дух святой - не ерунда, не звук пустой...

И снисхожденья не издевад, глас вопиющего умолк... И самолюбие поранив, и зарекаясь навсегда, я говорю вам утром ранним - здоровы будьте, да-да-да! Врач должен быть здоров, и баста! Иначе, стыд вам и позор! И пусть шучу я (лишь отчасти!), ведя серьезный разговор. Умеют ли шутить врачи?! Они умеют нас лечить!

Про зиму...

Пришла зима и стало грустно, безвкусно, пресно, безыскусно... Ревут дожди, и ветер хмурый читает злую партитуру. То календарная зима пришла вступить в свои права! Из года в год к ней привыкаешь, но, всё равно, не принимаешь.

Взгляни на сонный календарь - там нынче июль... он как январь - морозным должен быть, хрустящим, и белоснежным, настоящим! Но не капризным и дождливым, не безотрадным и плаксивым. Такой в мозгах оксюморон, что хочется уехать вон, куда подальше от ненастья, и летним насладиться счастьем в какой-нибудь лесной глуши, где больше нету ни души!

... Пора домой, в мой зимний Окленд!

Где каждый мёрзнет, каждый мокнет, где ветер злой гудит с утра, как будто гонит со двора. Где мелкий дождь по крышам ходит – то в пляс пойдёт, то хороводит. То ливнем, словно из ведра, окатит завтра, как вчера - и стариков, и детвору, друзей вселенскую хандру, воспоминаний сонный бред и женских ног кордебалет...

Размышления гражданина на берегу океана

Вижу сон, где друзья и Россия (нелегко им, но как-то живут) – не забытые и не чужие... Каждый свой избирает маршрут.

Мы когда-то росли неразлучно и судьбы не желали иной. Голубей мы гоняли! И тучи! И вдыхали тот воздух хмельной. Ты скажи, коль представится случай - нам, уехавшим с третьей волной: "Быть пленёнными скрепами лучше, чем свободной чужой стороной наслаждаться вечерним покоем, путешествовать, думать, творить? Отчего мир так странно устроен, что привычней по зависти жить?" Он пробился, а я – неудачник (у него даже пол не скрипит!). Нет, не наш человек, не рыбачит, а по виду, так, чистый семит. Что явилось сынам Авраама - наши боги познать не смогли? Мы и в поле работаем рьяно, и умеем носить сапоги...

Что случилось с Россией – не знаю. Улетают птенцы из гнезда. Уезжают девчонки с окраин и увозят детей в никуда. Жизнь – не сахар, но страха не знает, не мечтает, не плачет в ночи. Дети больше в войну не играют, спят спокойно – улыбка живая, а сама всё углы замечает и с умом, по-английски, молчит. И скрипя обессиленным голосом, без живинки в красивом лице, подсчитывает количество долларов, что пошлёт бедной маме к весне...

Камертон осенний...

Морозящий дождь навевает грусть.
Монотонный, жалобный – свесил уши.
И сиреневый полусонный куст
Мне кивает в такт и обходит лужи.

Я смотрю на небо - плывут домой
Островные тучки, раскинув руки.
Океан рычит приливной волной,
Накрывает берег и гасит звуки.

В октябре дурацкой хандрой пленён.
Камертон осенний весной отравлен.
Облепихи гроздь со всех сторон
По воде плывут отголоском давним...

Осенние сны

Осень подступает к изголовью,
Дарит очарованные сны,
Отрезвляет безутешным словом
И сжигает старые мосты.

И в объятьях сонного дурмана
Затерялся желтокрылый лист,
В холодок осеннего тумана
Завернувшись, как большой артист.

И громоподобные аккорды
Разлучают спящего со сном.
Он простится с жизнью благородно,
Став опавшим сухоньким листом.

Горстка истин...

Приходите, приносите –
Незатасканные мысли,
Интересные нюансы,
Острый ум и добрый нрав.
Щедро наполнять бокалы
Представляется мне мудрым –
Истины в вине немало
Для души... Иль я не прав?!

И когда со дна бутылки
Наскребу я горстку истин,
Ты возникнешь изумлённо
В пляске света и теней.
И тогда исповедально
Мысль и слово вдруг сойдутся,
И ведомые порывом
Запрягут лихих коней.

Если сможешь быть мне другом –
При свечах распить бутылку
В разговоре о высококом:
Ренуар, Дега, пастель.
Если сможешь быть мне Музой –
Вдохновенно и с любовью
По утрам готовить завтрак,
По ночам - стелить постель...

Я смогу взлететь над миром,
Обернуться небом синим,
И предугрненной росинкой
Выпасть на губах твоих.
А могу из глаз слезинкой
Выкатиться ненароком.
Это я к щеке прижался
И нашёптываю стих.

Если боль – закрою створки.
Крабик - гордый и колючий...
Стану скучным и угрюмым,
С головой заруюсь в ил.
Только чаще я – отважный,
Ироничный, чуть вальжанный,
И влюблённый в Галатею,
Что когда-то сотворил.

Моим одноклассницам

Жизнь - конечна. А память - всеильна.
И хранит всё что прожито мной.
Я иду меж изломанных линий
По тенистой аллее домой.

Птице юности ночью раздольно!
Мне пора возвращаться к корням.
Мысли стайкой летают привольно,
Предрассветным втор'я голосам.

Как внезапно волнуется память,
Выкликая из прошлого нас!
И владеют тобою упрямо
Эти руки, и голос, и страсть.

Первый танец с девчонкой из класса,
Первый робкий впотьмах поцелуй,
Первый трепет касания ласковый,
Тихий шёпот: «Не тронь, обалдуй...»

Мы ещё неумело целуемся,
Мы невинны... но жаждем вины.
И стыдливо краснея, волнуемся
Неизбежностью новизны.

Нам неведомо, что же получится.
Ну, чуть-чуть, только в общих чертах...
Снова юная женщина чудится
Нежно спящей на сильных руках.

Как неохотно гаснут фонари,
Как незаметно к нам подкралась осень.
О чём её мы шёпотом попросим?
О чём с ней по душам поговорим?

Зачем ты, осень, листьями шурша,
Напоминаешь, что и мы не вечны?
Что нам осталось в жизни быстротечной?
Не замечать, как ходики спешат...

